

НА ПЕВОМ И СЛОВЕ ВЛАДЕЯ

МАРГЕРУ ЗАРИНЮ — 70

Культурную жизнь Советской Латвии невозможно представить без Маргера Зариня. Народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Латвийской ССР, он занимает выдающееся место в ряду мастеров латышской музыки.

В канун своего юбилея композитор любезно согласился ответить на вопросы корреспондента «СМ».

— Поток впечатлений юношеских лет увлек вас за собой и повел к профессии музыканта. Есть ли люди, которым вы особо обязаны таким выбором?

— Их трое, три органиста. Отец бережно ввел меня в мир музыки. Ее впервые я услышал именно в органном звучании. Мой дядя Адам Оре первым среди наших органистов получил академическое образование, учился в Штутгарте, активно концертировал. А классик латышской музыки Алфред Калнынь несколько раз проводил летний отпуск в кругу нашей семьи. Общение с ним, его органное музицирование оставили неизгладимый след в моей памяти.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших первых опытах в области композиции.

— Мне было около тринадцати, когда я принялся сочинять. Произошло это как-то сразу. Долгое время никак не удавалось продвинуться дальше сочинения на тему, так продолжалось примерно до двадцати лет. Потом наступил перелом. Но некоторые из мелодий «тематического периода» мне пригодились впоследствии. Много лет спустя я включил их в органный «Concerto innocente», в «Сценическую музыку» для двух роялей.

В молодости я очень увлекался музыкальным импрессионизмом. Дебюсси, Равель были моими кумирами. Занимаясь же в классе фортепиано, я благоговел перед Бахом. Думаю, эти пристрастия отражаются в моем творчестве до сих пор.

— Есть ли среди ваших произведений особенно вами любимые?

— Любимое сочинение — то, над которым работаю. Поставив последнюю точку, всегда успокаиваю себя тем, что в следующий раз получится лучше. Обязательно лучше! А вообще-то в творчестве меня более всего привлекает сам процесс сочинения.

Есть вещи, которые возникали под пером легко, можно сказать, счастливо: «Concerto grosso» для рояля, клавишина и оркестра, «Партита в стиле барокко», уже упомянутый «Concerto innocente». Но так происходит, конечно, не всегда. Скажем, «Чудо святого Маврикия» — я считаю ее лучшей из своих шести опер — далась совсем непросто. Несколько раз пересматривалась, переделывалась, потребовала много времени, сил и терпения.

Я пришел к выводу, что сочинять надо с прицелом на определенных исполнителей. Если они жадны до работы, нового в искусстве — композитор счастлив! Он нашел союзников. В противном же случае исполнения вновь созданного порой приходится ждать долгие годы. Мой хоровой цикл на слова Эрика Адамсона — печальный тому пример.

— Орган и органисты — особая глава вашей жизни. Ваша симпатия к этому инструменту, выразившаяся в создании четырех органных концертов и ряда сольных пьес, вполне понятны. Ваша преданность хоровой музыке тоже легко объяснима. А что вы скажете о театральности, присущей многим вашим сочинениям, причем даже не обязательно сценическим?

— Театр, его волнующую атмосферу люблю с юных лет, годами стараюсь постичь специфику этого удивительного вида искусства. Многие мне дали встречи с Эдуардом Смильгисом, руководителем Художественного театра, смелым режиссером с буйной фантазией. У него было чему поучиться. В театре композитор должен считаться со стилем пьесы, замыслом режиссера, даже декорациями, а это стимулирует поиски. Мною оформлено около пятидесяти драматических спектаклей по пьесам Шекспира, Шиллера, Островского, Райниса,

Упита... Написана музыка примерно к двадцати кинолентам.

— Один из тех людей, кто давно знает вас, заметил: вы так хорошо ладите с молодыми, что они воспринимают вас как умудренного опытом ровесника. Несколько слов о композиторской молодежи республики.

— К счастью, и в этом поколении у нас есть разные художественные индивидуальности. Меня радуют сочинения Петериса Плакидиса и Иманта Земзариса. В их музыке привлекают особая тонкость, интимность, весьма своеобразное применение народных красок, интонаций. Как симфонист, мне импонирует Имант Калнынь, он, правда, постарше.

— В декабре 1972 года в вашей жизни произошло знаменательное событие. Вы стали членом Союза писателей. Когда родился Заринь-прозаик?

— Еще в пятидесятых годах писал музыкально-критические статьи. А вот беллетристичкой занялся недавно, десять лет назад. Сейчас у меня пять романов, несколько книг рассказов.

Люблю материал, почерпнутый из жизни. То, что не удастся высказать в музыке — в силу ее специфики, — говорю в прозе.

— Еще недавно читатели могли сетовать на небольшое число переводов ваших рассказов и романов на русский язык. Как обстоят дела сегодня?

— Были разговоры, что меня трудно переводить — слишком специфичен язык. Похоже, они устарели. В майской книжке журнала «Даугава» опубликован мой роман «Календарь капельмейстера Коция». В журнале «Дружба народов» будет печататься «Лжефауст». Выйдет он и отдельным изданием, тоже в Москве. Кстати, этот роман уже переведен на эстонский и чешский. Я очень рад каждой моей публикации на русском языке. Ведь таким образом я получаю возможность общения с многомиллионной читательской аудиторией.

— От имени читателей поздравляю вас с юбилеем и благодарю за беседу.

Р. ХАРАДЖАНИН.

Ж